

УЗБЕКско-КИТАЙские ЛИТЕРАТУРНОКУЛЬТУРные ОТНОШЕНИЯ: ГЕНЕЗИС И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

Мусурманов Э.¹, Жанат А.А.²

Аннотация:

Фабула китайской и тюркской мифологии о возникновении их главных богов Паньгу и Тангри, ярко показывают, что первично они были созданы в гигантском яйце. Позже выхода наружу из яйца при помощи топора; сотворение неба и земли, женитьба Паньгу в облике собаки, Тангри в образе волка на девушке-человеке и оставлении потомства – все это свидетельствует о схожести сюжетов китайской и тюркской мифологии о главных божествах. Такие общие черты также можно заметить в образах женских божествах: Нюйвы и Умай. Пройдя определённый эволюционный процесс в параллельном порядке при воздействии местных национальных особенностей, народного менталитета и разных историко-социальных факторов в узбекской или китайской мифологии, образы таких божеств несмотря на изменения статуса с первичных примитивных взглядов в образы, имеют один общий генезис.

Ключевые слова: узбекская мифология, китайская мифология, литературнокультурные отношения, Паньгу, Тангри, Нюйва, Умай.

Литературные и культурные отношения узбекского и китайского народов начались в основном после визита в наш край дипломатов и пилигримов династии Хань (206 до нашей эры — 220 до нашей эры) и Тан (618-907 г.г.). Ханьский император У-ди (156 до н. э.— 87 до н. э.) для установления связи с могущественным племенным союзом юэцзи в 138 году до н.э. отправляет дипломата и путешественника Чжан Цзянь (164 до н.э. - 114 до н. э.) в сопровождении ста человек в Среднюю Азию; благодаря этому путешествию открывается направление, известный в Европе, как Великий Шёлковый путь. После Чжан Цзянь, значительный поездкой китайцев в наш край было путешествие учёного династии Тан, буддийского монаха и рейнджера Сюаньцзан (602—664 гг.).

Посещения древними китайскими пилигримами, учёными-путешественниками нашего края серьёзно повлияли на культурно-духовные отношения, на древнюю литературу узбекских и китайских народов, в том числе, и на мифологию. Были созданы первичные понятия и взгляды, ставшие генезисом культуры, духовности, искусства и литературы двух народов.

Генезис узбекско-китайских литературных связей берут начало с древнейших фольклорных материалов, мифов, исторических трудов, которые являются общей мифологической почвой [9; 13; 14].

В эпоху античности узбекско-тюркском фольклоре присутствуют мифы о сотворении вселенной и человека, подобные китайским мифам. Вследствие этого можно понять, что они имеют общий генезис. К таким мифам особенно относятся космогонические, календарные, героические, астральные, мифы о животных и чудовищах-монстрах. К божествам, изученным по отдельности и в китайской и тюркской мифологии относятся Паньгу [6, с.321 – 324; 19; 20, с.358 - 359] и Тангри [2, с.256], Нюйва [7; 9; 20; 21] и Умай (Хумай) [4, с.10; 15; 11, с.111 – 114; 16, с.265 - 286],

¹ Мусурманов Эркин, доктор филологических наук, заведующий кафедры «Сравнительное литературоведение» самаркандского института иностранных языков

² Жанат Аскербекевна Аймухамбет, преподаватель-исследователь кафедры казахской литературы Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, доктор филологических наук, профессор.

владыка Запада Си Ванму [19, с.358 - 359] и Эрклик [5; 10; 19], но эти верховные существа до сих пор не были изучены на компаративном уровне. По причине подобных факторов произошёл урон периодичности генезиса древних мифологических образов и сюжетов узбекской мифологии, выявлена неполноценность восприятия сущности. Узбекская (тюркская) мифология ввиду социально-исторических процессов, исламизации общества, начала отдаляться от истоков своих корней и тесно контактировать с персидской и арабской мифологией, благодаря которым многие инородные сюжеты и образы прижились в новую среду - стали наследием узбекского фольклора.

Анализ основы и генезиса мифов о сотворении мирового яйца, космоса и вселенной, главных персонажей китайского и узбекского фольклора Паньгу и Тангри, Нюйвы и Умай, димиургов разных мастей, также таких китайско-узбекских мифологических персонажей, как дракон и волк, эпических героев как стрелок И и Алпамыша показывает, что они имеют массу обобщенных аспектов в своем происхождении. Преимущественно это касается самым значимым божествам в патеоне демиургов.

Сохранившие источники указывают, что в них соблюдается процесс интерпретации тотема волка, змеи-дракона в шумерской, древнетюркской и китайской мифологии, что в процессе интерпретации этих образов устанавливается эволюционная связь с эпической троицей Гилгамеш, Афрасиаб, со стрелком И и с тремя богинями - Утнапишти, Анахита, Си Ванму. Каждые из трёх героев для достижения вечности обращаются к богиням.

Примечательно и то, что число и цветовые оттенки камней бога Паньгу-собаки и Нюйвы, починившей небосвод, состоят из пяти символических оттенков и чисел. В китайской мифологии они обозначают пять элементов-первоисточников: железо, вода, огонь, земля и дерево. Основа пяти элементов в дальнейшем послужило духовной сферой и базисом для китайской философии и литературы. Традиции "Пятикнижия" (У-Цзин) основанные Конфуцием, отразились в китайской классической литературе. Возможно, имеется связь, определяющая основные параметры мироздания-пяти элементов - "У-Цзин", также, с мифологическими понятиями семитских народов - «Хамсой», олицетворяющая открытую ладонь с пятью пальцами и с литературным жанром - "Хамсой" ("Пятерицей"), основанной классиком азербайджанской литературы Низами Гянджави и успешно традиционно продолженной и обогащённой понятиями "страны Китай" Алишера Навои.

В процессе исследования древних китайских и узбекских фольклорных источников довольно четко бросается в глаза пропорциональность тотемистических взглядов двух народов. Например, в художественных интерпретациях мифологические тотемы волк и дракон показаны как предки, как воплощение силы и покровительства китайского и узбекского народов.

Дракон в узбекской мифологии во многих отношениях напоминает китайского ящера - лонга. В китайской мифологии Паньгу (Панху), как тюркский фольклорный персонаж Тангри-волк, женится на принцессе и обзаводится потомством. В другом мифе Паньгу, который вышел из большого яйца, напоминает Тангри-волка, также разбившего скорлупу топором и сотворившего мир.

Схожесть этих китайских и тюркских фольклорных материалов можно сопоставить в таком варианте: В китайской мифологии:

Яйцо – бог – собака (Паньгу) – человек.

В тюркской мифологии:

Яйцо – бог – волк (Тангри) – человек.

В фольклоре Поднебесной существуют мифологические образы, которые по нашим определениям были сотворены под влиянием фольклора народов Средней Азии. К таким относятся мифические лошади-драконы. Как приводит историк Ван Чун («Лунь хэн» 論衡, «Критические рассуждения», I век) у его современников художников изображенные лонги (драконы) были с лошадиной головой, со

змеиными хвостами. По нашим соображениям в перевоплощении лонга в лошадиноголового, немаловажную роль сыграли исторические процессы, в том числе та эпоха, когда быстроногие даваньские аргмаки появились в Китае.

В узбекском фольклоре с древних времён существует понятие о необычайном коне, который живёт в водоёмах. Так, например, в поэме “Рождение Гуругли” предок его боевого соратника коня Гирата был водяной конь. Среди народов Средней Азии лошадь славилась как тотем. Она воспринималась не как символизирующий предка племени-волк, а как сакральное животное. Лошадь воспринималась как спутник человека, по статусу ближе к человеку, созданный в один день с гомо сапиенсом.

По словам учёного фольклориста Ш.Турдимова: “В Курганской версии эпоса “Гуругли”, варианта Пулкана шоира Гуругли при восходе на гору Каф, встретив дэва Самандара, представляет своего коня, назвав его “мое божество”. У тюркских народов широко распространено поверье в конябожества... Конь считался символом бога солнца. Позже конь превратился в жертвоприношение для повелителя солнца” [18, с.117].

Эволюция дракона – коня имеет определённую историю. Во время Кушанской империи образы гибридных животных таких как коня-змеи, коня-дракона превратились в традиционные образы. По поверьям кони, проживающие под водой, на дне моря или озера, в определённое время выходили из воды и паслись у берегов. Коневоды, знающие это время, на берегу отпускали своих кобыл. Если сухопутная кобыла скрещивается с водяным конём, то она родит коня с крыльями. Такие понятия сохранены среди тюрков, особенно, среди башкир [15]. Кроме этого в китайской мифологии присутствуют такие образы как перевоплощающийся оборотень – лисица-девушка, проделками напоминающая узбекскую алвасти.

Следовательно, изучение древних китайских и узбекских мифологических, фольклорных и др. памятников показывает, что в них имеется множество общих аспектов и концепций в отношении интерпретации божественно-тотемических образов, деятельности пантеона богов. Это прежде всего было связано с древними контактными связями предков узбекского и китайского народов.

Список использованной литературы

1. Абулғозий Баҳодирхон. Шажараи тарокима. Нашрга тайёрловчи: Қозоқбой Маҳмудов, 1995. – Б.7-8.
2. Аюпов, Н.Г. Тангрианство как открытое мировоззрение. Монография. — Алматы: КазНПУ имени Абая: Издательство «КИЕ», 2012. – С.256.
3. Бодде, Д. Мифы древнего Китая // Мифологии древнего мира. – М., 1977, – С.379 – 382.
4. Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – Алматы: Жалын, 1993 . С. 10.
5. Бурнаков, В. А. Эрлик-хан в традиционном мировоззрении хакасов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011, №1 (45).
6. Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Пер. Л.Н.Меньшикова. – СПб., 1994, –С. 321 –
7. 324.
8. Евсюков, В.В. Мифология китайского неолита. – Новосибирск, 1988.
9. Ежов В. В. Мифы Древнего Китая. – М, 2004.
10. Жўраев М., Нарзиқулова М. Миф, фольклор ва адабиёт. – Тошкент: Ўзбекистон Миллий кутубхонаси. 2006.
11. Кляшторный, С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб., 2006.
12. Котов, В.Г. Женское божество Умай/Хумай: сравнительная характеристика // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 4-2. — С. 111—114.

13. Маҳмуд, Қашқарий..Девону луғотит турк. 1-том. – Тошкент, 1960, – Б.359.
14. Мусақулов, А. Ўзбек халқ лирикаси. – Тошкент: Фан. 2010.
15. Мусурманов, Э.Р, Ма Ци Линг (马翠玲国家公派汉语教师). Хитой фольклори (афсона ва эртақлар): ўқув-услубий кўлланма. – Самарқанд, 2014.
16. Наурызбаева, З. Мифологический образ морской лошади и имя батыра Суйингара. [Электронный ресурс]: URLСайт о казахской культуре, музыке и мифологии. 04.04. 2012. <http://otuken.kz/> мифологический-образ-морской-лошади/(дата обращения: 11.03.2019)
17. Николаева Д.А. Культ Умай в традиционной культуре бурят // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Вып. 62. — 2008. — ISSN 1992-6464.
18. Потапов, Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. — М.: Наука, 1973. — С. 265—286.
19. Турдимов, Ш. “Гўрўғли” достонларининг генезиси ва тадрижий босқичлари. – Тошкент: Фан. 2011.
20. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая. – М., 1987.
21. Юань, Кэ. Чжунго шэньхуа чуаньшо цыдянь (Словарь китайских мифов и преданий). – Шанхай, 22.1985, –С-358 – 359. С. 154 – 155
23. Яншина, Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М., 1984. 358.